

Марина

Асшибекова

кандидат филологических наук

ЛЮБИМЫЙ ГОРОД У ПОДНОЖЬЯ ГОР...

Алма-Ата – дивный уголок земли, город, обласканный и облагороженный теплом и любовью миллионов сердец многих поколений. «Мой самый первый сон, / Мой самый теплый дом, / Алма-Ата, Алма-Ата моя!» – эти строки из песни «Алма-Ата» Б. Каирбекова помнит, наверное, каждый. Именно с таким именем – Алма-Ата – город живет в поэзии. Алма-Ате посвящали свои стихи М. Макатаев, Дм. Снегин, О. Сулейменов, А. Вознесенский, В. Луговской, Р. Казакова, Вс. Рождественский, Б. Кенжеев и др. Все они признавались в любви к городу так, как признаются только любимому и близкому человеку. С грустью Г. Бельгер отмечает, что «от этой Алма-Аты, города моей юности, мало что уцелело. Даже столь привычное, звонкое ее имя (Алма-Ата) по-русски ныне звучит глухо, непривычно. Чарующая женственность ее обрела бесполость» [1, 71]. Б. Канапьянов заметил, что «имя нашего города вместе с гласной потеряло свое поэтическое звучание» [2, 156]. Печальная констатация звучит в поэтических строках А. Матвеева: «Все ж Алматы – транскрипция не та – / смесь «ономастеров» бессмыслицей чревата: / Звучит невнятно, блёкло, скуповато – / Никчемная тщеславий суета» [3, 120].

У каждого города есть свое назначение, определенное историей и современным развитием. «Города существуют уже тысячи лет, но только недавно человек стал понимать, что не только он – творец города, но и город – творец людей» [4, 5]. Складывавшаяся годами традиция восприятия Алма-Аты как духовного и культурного центра продолжилась в творчестве Б. Канапьянова, Н. Черновой, Л. Шашковой, Т. Фроловской, Л. Коваленко, В. Муратовского, Б. Каирбекова, С.-Г. Байменова, Х. Булибекова, Ф. Тамендарова, Г. Банникова и других современных поэтов.

Алма-Ата – город для поэтов особенный. Б. Канапьянов именно здесь особенно остро ощущает связь времен, словно одновременно пребывает в сегодняшнем, грохочущем, задымленном, не в меру разросшемся мегаполисе и в той до боли знакомой Алма-Ате, утопающей в зелени, очаровательно милым городе 80-х годов. Лирический герой любит Алма-Ату, город, в котором прошла большая часть жизни: «Природой сотворенный сад камней / Меж горных речек двух – Алмаатинок, / Там засмотрюсь на тишину снежинок, / Прислушаюсь к дыханию огней» [5, 76], «Алма-Ата, зеленый город мой, / К подножью гор прильнувшая столица, / Меня благословила в путь земной. / И с детства сад опять в разлуке снится: / Вот яблоко свисает надо мной, / Вот солнца луч сквозь толщу крон струится, / И в памяти встревоженные птицы / Расправят крылья за моей спиной» [5, 77]. Рассказывая о своем любимом городе, поэт делает открытие. Он открывает для

себя эликсир молодости: «Арык журчит. Он виден сквозь кусты. / Пух тополей забьется мне за ворот. / И в городе родном я вечно молод. / Жаль, что его стираются черты» [5, 76]. Яблоко – символ этого города, входящее составной частичкой в его название, волшебный талисман города. В яблоке скрыт для поэта огромный смысл. Он уверен, что душа города скрывается в яблоке: «Но ведь не имя – суть важна в предмете: / Не гармоничен будет город мой / Без яблока – дар древности земной, – / Что принимают взрослые – как дети» [5, 88].

Память является основообразующей категорией, без которой немислимо существование человека и народа. Поэтому Алма-Ата воспринимается Б. Каирбековым однозначно как центр, сердце: «Нет, никуда от этого не деться! / Наклонных улиц ширь, кварталов прямота / И встречное с горы приветливое бегство / Листвы твоей, моя Алма-Ата! // Ты мне нужна сейчас – сегодня, завтра, скоро, – Пока ты есть и будешь в движении листвы, / И дней моих стремительная скорость / Равна твоей – растущей вширь и ввысь!» [6, 28]. «Алма-атинская» тема является одной из центральных в творчестве поэта. Значительную часть лирических произведений составляют стихотворения, характеризующие отношение к городу, отцовскому дому в переулках Таскака, где прошло его детство, к людям, жившим и живущим здесь. «Жителями» пространства города Б. Каирбекова являются художники, писатели, литературные критики. Поэт посвящает стихотворения В. Бадикову, Б. Джолдасбековой, А. Кастееву, А. Арцишевскому, Г. Исмаиловой, С. Калмыкову, И. Потахиной, В. Михайлову, О. Постникову, Т. Мадзигон, А. Мусоходжаевой и другим «Художникам с большой буквы» [6, 119]. Введение этих имен свидетельствует о стремлении автора сконцентрировать в указанном городском локусе все ценности народа и лучшие его качества.

Поэт идеализирует места, связанные с детством, поэтому Алма-Ата воспринимается исключительно как пространство мира, покоя и добра: «Я – школьник твой! / Я – в свой вернулся дом» [6, 28]; «И отогреешь суетою – / Вечной своей судьбой, / Город зеленый, / Неугомонный, / Давний друг ты мой!» [6, 170].

Б. Каирбекову удалось передать особое обаяние, теплоту и душевность города. Отношение поэта к пространству города выражается и через пейзажные зарисовки и цветовую символику. Ни один из поэтов не обошел вниманием осень в Алма-Ате, когда город особенно красив и загадочен, полон грусти об ушедшем. «Ах, какая безумная осень / вдруг на горы нежданно напала / и кострами горит между сосен, / а по кленам прошла, как напалмом», – напишет Х. Булибеков. [7, 126]. Лирический герой Б. Каирбекова при созерцании природы испытывает чувство наслаждения и восхищения, что связано, с одной стороны, с красотой окружающего мира, а с другой – с энергетикой места, которая передана в стихотворении «Листопад в Алма-Ате» через цветовую окраску земли, неба, деревьев:

В час пик, в переполох дворовый,
В азарт автобусной поры
Осенний сад наряд багровый
Стряхнул к подножию горы.
И рыжий ливень листопада
Ворвался в суету машин,
И не хватало больше взгляда
Стреножить ливневый почин

Больных, но скорых расставаний
 С ветвями, с деревом, с высотой, –
 Летели вдаль над головами,
 Гордясь отпущенной судьбой.

И я – случайный в том саду,
 От бражной горечи хмеля,
 По всем прожилочкам-аллеям
 Проститься с осенью иду.

Весь в чешуе летящих листьев
 Я дымным воздухом дышу...
 Дерев морщинистые лица
 Глядят мне вслед сквозь желтый шум [6, 24].

Шестнадцать стихотворений С.-Г. Байменова, посвященных Алма-Ате, представляют собой несобранный, рецептивный цикл.

Стихотворением «Ночные улицы Алма-Аты» открывается подборка стихотворений Байменова в альманахе «Литературная Алма-Ата» [7, 100]. Музыка пятистопного ямба, стройность и завершенность композиции, совершенство формы делают строки этого стихотворения очень притягательными. Внешне – лаконичная и спокойная картина: лирический герой восхищается ночной красотой города: «Ночные улицы Алма-Аты, / мое влечение к вам неизъяснимо», «Ночные улицы Алма-Аты, / где, перекатывая в кронах блики, / поют в зеленой полутьме арыки / и холодят ладонь до ломоты» [7, 100]. Внутреннее движение начинается со взгляда вокруг – при этом картина, которую мы видим глазами героя, о нем самом рассказывает не меньше, чем о любимом городе. «Ночной аквариум Алма-Аты», «сквозь омуты ночной Алма-Аты / плыву свободной и могучей рыбой / в стремнине чувств / надолго молодых», «в предвкушенье встречи / с сонатою ночной Алма-Аты...» [7, 100]. Свое родство с ночным городом поэт передает с помощью дружественного обращения: «и снова с вами я на ты, / ночные улицы Алма-Аты» [7, 100]. Лирический герой – весь порыв: ему важно увидеть, понять, сказать. Огромный мир, в котором живет лирический герой и который живет в нем, мир, вмещающий в себя и восхищение ночным городом, и дневную жизнь («А утром / из ночей Алма-Аты / несут меня вперед, / как крылья, плечи»), – этот мир требует слова, воплощенного в музыке, слова-действия, музыки, способной преобразить мир, преодолеть земное притяжение («с сонатою ночной Алма-Аты»). В тридцати строчках стихотворения словно пульсирует время, сужается и расширяется пространство (ночные улицы города и свобода духа человеческого). Это картина беспредельного расширенного сознания, которое меняет весь масштаб представлений о человеке, о мире, о жизни. Это удивительное переживание единства – себя в мире и мира в себе («Иду я с ощущеньем полноты / любви и жизни»).

И кольцевая композиция, и эмоциональное движение к абсолютному покою, и то, что вся ткань стихотворения словно прошита пунктирами слов нескольких смысловых полей – все это делает стихотворение удивительно цельным и законченным. Оно словно полет, преодоление бескрылости жизни. Время и про-

странство нашей жизни ограничены. И нам решать, чем мы их наполним. И в городской ночной жизни можно обрести ощущение вечности.

Б. Канапьянов заметил, что «сам ландшафт Алма-Аты подталкивает к творчеству. Нет такого человека, который бы остался к нему равнодушен. Гекзаметр гор словно диктует свои строки [7, 157].

«Самое трудное, – отмечал Д. С. Лихачев, – заметить этот идеальный образ в облике города. Если нет этого идеального образа в какой-либо местности, то нет и красоты» [8, 46]. Пространство города получает черты идеального мира, в котором сконцентрирована народная и авторская память. Алма-Ата воспринимается однозначно как центр духовной жизни: «И взглянули, печально смеясь, / Недоверчиво мы друг на друга / Из пространств многомерного круга, / где эпох проверяется связь...» [7, 101], «Что ж, по воле времен и людей / Ты великим становишься городом» [7, 102].

Алма-Ата также помогает излечить душевную боль, найти себя: «Ушло, что чуждо было и наносно, / А остального ради надо жить...» [7, 100], «Стал дорог мне город / с веселой водой / арыков, поющих о трепетном счастье / ходить по земле, / ощущать под собой / высокого неба тепло и участие» [7, 101], «И на ладнях зеленых он держит / все нити событий, / сплетенные в жизнь» [7, 101].

Алма-Ата показана вместилищем чувств, мыслей и ценностей поэта: «Встречать по рассветам / пестреющих гор / здоровое и снеговое дыханье / и золотыми, как солнце стихами / с судьбою вести разговор» [7, 101].

Алмаатинское пространство центробежно: все события происходят либо на улицах ночной Алма-Аты, либо в предгорьях и горах. Жизненная энергия, исходя из стихотворений поэта, концентрируется именно здесь («На Малой Алматинке», «Вид с Коктюбе», «Привет, холодок с Алатау», «Есть кайф в автобусе полупустом...», «Речушка милая»). «Я перебрался в этот город / и понял – может быть, впервые! – / что с вечностью всех лучше спорят / хребтов вершины снеговые» [7, 102], «Чтоб целоваться на виду у скал / На фоне и божественном, и вечном» [7, 102]. Именно здесь лирический герой, ощущая связь времен, чувствует в себе силы жить дальше.

Город – наш общий дом. Это наша неразрывная память о прошлом. Особое место поэт отводит в памяти города Алма-Аты генералу Г. А. Колпаковскому («Основатель»). Герасим Алексеевич Колпаковский прибыл в город 4 июля 1858 года. В 1867 году он возглавил комитет по устройству города. Именно в этот год было принято решение строить новый город рядом с крепостью. Ч. Валиханов называл Колпаковского «ханом степи». В 1881 году Г.А. Колпаковский был удостоен звания почетного гражданина города Верного. Многие, кто работал с Колпаковским (лесоводы А. Фетисов и братья Баумы, архитекторы П. Зенков и Г. Серебренников, художник Н. Хлудов и др.) остались в Семиречье навсегда [9, 228]. В стихотворении звучит невольная обида: «Ведь в мегаполисе огромном нет / Проулка даже с именем предтечи» [7, 102]. Здесь поэт немного ошибся. Небольшая улочка в Алматы общей протяженностью 800 метров в Медеуском районе носит имя Колпаковского. Но тут же поэт утверждает, что память природы более жива, чем человеческая память: «В зеленом самом городе планеты / Ему свой гимн поет дерев листва, // Журчащие под южным солнцем реки / И облака, что с гор плывут, теснясь, / На них Герасим Алексеич въехал / Давно в свое бессмертие без нас...» [7, 102]. Памятник Колпаковскому материализовался в удивительно

четкой прямоугольной планировке улиц города, память о нем шумит в листве карагачей и дубов, стройных тополей, обрамляющих улицы.

Целостное пространство Алма-Аты состоит из ночных улиц, домов, горы Кок-Тюбе, Малой Алматинки. Пространственная отнесенность героя служит показателем его личных качеств. Байменов не показывает красивый дневной город. Духовная жизнь жителей города происходит ночью:

Я в полночь вышел на балкон.
Шагнул в мой город в пиршество огней.
Был так продут ветрами он,
Что в нем, как гроздь хрусталей,
Дрожали звезды в купах тополей.
<...>
И был он чист, спокоен, непорочен,
И пожелалось в мире больше ночи,
Чем дня, когда обнажена возня
Великих наших неумных скопищ [7, 102].

Лирический герой Байменова – городской житель. Как и у лирического героя Б. Кенжеева, «его раздумья, встречи и расставания, постижение жизненных истин происходит в пространстве города» [10, 331]. Лирический герой очень любит этот город, но это любовь с примесью горечи и печали: «Он грустен, город поздней ночью / В безлюдной зелени, в тиши» [7, 101], «Света нет. И я один в горах. / Никого вокруг, хотя в минутах / двадцати – мой город, там, внизу, в огнях, / суетой своей ночью, мутной» [3, 87].

Город в мифопоэтической традиции занимает промежуточное положение между адом и раем. Природа, горы противостоят городу: «И нас обнимает, прощая, / Еще раз родная природа – / нас, цену не знающих раю, / бездумно-веселых уродов» [7, 101]. Город становится адом: «Ты стал моим раем и адом» [7, 100], «Там жильё и наследники наши, / там арена житейской борьбы» [7, 100], «Но город, сминающий души, / Моей – ты не сыщешь ранжира...» [7, 100], «Ревет Алма-Ата деляг. / Контраст на улицах кричащий, / И душу режет кадилак / Глазами седоков из стали / На фоне чадного кубла» [3, 87]. В пронзительном стихотворении «Алма-Ата. XXI век», город, теряя свою естественную сущность, приобретает черты города-машины. Веру заменило безверие, главной ценностью горожан стали материальные блага – Алма-Ата превратилась в город «деляг» и «новых василисков»: «И это яблоневоый город, / В который с детства был влюблен? / И не спасают даже горы, / Высокий звездный небосклон», «Какой, Алма-Ата, ты стала, / Какой ты раньше не была» [3, 87].

Мы читаем это коротенькое стихотворение как лирический этюд и всякий раз удивляемся, какой необычной силой оно наполнено, оно – просто сгусток энергии.

А будет помниться всегда
В садах, в цветах,
в далеком-близком
Исчезнувшая Алма-Ата [3, 87].

Чувство грусти по прежней Алма-Ате становится безумно щемящим. Прежней Алма-Аты нет. Есть урбанизация большого города. В стихотворении «Алма-Ата» поэт пытается найти «заповедники света» в лабиринтах города: «И в Степь, к Океанам, сквозь Горы / Ветвятся дороги победы. // Победы над косностью мира, что всех настигает и душит» [7, 100]. Такое восприятие объясняется непотерянной еще надеждой найти в главном городе Казахстана уголок покоя и мира. Байменов ищет «прежнюю» Алма-Ату, концентрировавшую в себе память, уклад, многоцветие жизни. Новая Алма-Ата с безликими уродливыми строениями не способна передать энергетику города.

При этом духовное родство, появившееся однажды, не исчезает с годами – оно, как кровь и накопленный опыт предков, передается будущим поколениям: «Пусть пахнут наши города уютом дома человечьего» [11, 10]. Алма-Ата – это макрокосм, пространство, в котором происходит просветление и очищение: «Избранник Бога, кто живет в Алма-Ате. / Кто на чужбине – в ностальгии. / И посвящаем мы желанья благие, / любимый город наш, тебе!» [7, 127].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бельгер Г. Алматы – любовь моя, жизнь моя... // Альманах «Литературная Алма-Ата». 2005, № 1. С. 71-72.
2. Канапьянов Б. Алма-Ата и поэзия // Альманах «Литературная Алма-Ата». 2005, № 1. С. 156.
3. Альманах «Литературная Алма-Ата». 2006, № 3.
4. Тасмагамбетов И.Н. Введение // История Алматы. В двух томах. Т. 1. – Алматы, 2006. С. 5–11.
5. Канапьянов Б. Плывут облака. М., 2003.
6. Каирбеков Б. Биография алмаатинца. Алматы, 2005.
7. Альманах «Литературная Алма-Ата». 2005, № 1.
8. Лихачев Д. С. Письма о добром и вечном. М., 1996.
9. Оразымбетова Б. К. К проблеме использования материалов краеведения в обзорной экскурсии по Алматы // Алматы. История тысячелетия. Алматы, 2008. С. 226–230.
10. Абишева С. Д. Топос города в поэзии Б. Кенжеева. // Проблемы поэтики и стиховедения: Материалы V Международной научно-практической конференции, посвященной памяти и 70-летию докт. филолог. наук, проф. В. В. Бадикова. Алматы, 2009. С. 331–337.
11. Сагин-Гирей. Сезам. Стихи. Алматы, 1999.

